

Борис Щербаков

СЕМЬ ТЕТРАДЕЙ

ИЗБРАННОЕ

Борис Щербаков

Семь тетрадей.
Избранное (сборник)

«Альпина Диджитал»

2012

Щербаков Б. И.

Семь тетрадей. Избранное (сборник) / Б. И. Щербаков —
«Альпина Диджитал», 2012

Борис Щербаков – один из самых успешных менеджеров бизнеса информационных технологий, в прошлом переводчик, работник Внешторга... с раннего детства писал стихи. За свою богатую событиями и свершениями жизнь Борис не утратил остроты поэтического мироощущения. Были годы, когда он писал взахлеб, были долгие перерывы. Так или иначе, результат – семь поэтических тетрадей, каждая из которых несет печать времени – как личного, так и нашего общего, в котором мы жили и живем.

Содержание

Начало	7
Баллада	7
Рождественский сон	8
Ночь перед весной	9
Поток	10
Набросок	11
Не бывает	12
«Сегодня вдруг сентябрь...»	13
Сон Иисуса	14
«Растравила весна, растревожила...»	16
«Ты знаешь, может статься...»	17
Хочу я...	18
Дума нелегальная	19
Дума легальная	20
Сон в летний день	21
Ты слышишь?	22
К 9-ому числу	23
«Мой старый дед, мой старый, добрый дед...»	24
Сонет № 1	25
«Приходит время, думаешь подчас...»	26
Слезинки летнего дождя	27
Ода на взятие моего сердца	28
«Крылом махнула цапля над рекой...»	29
Последний путь иисуса	30
К поэме о числах	31
«Боль была ослепительно белой...»	32
Осень	33
Ночь игуаны	34
Хочешь?	35
Ступени	36
Гоголевский бульвар	37
Весна на крыльях птиц	38
«Мы попрощались бегло, торопливо...»	39
Май	40
Гастрономическая лирика	41
Божий храм	42
Рязанские раздолья	43
В лужах	44
Я четвертовал себя	45
Зеленый снег	46
Снег идет	47
Фантастика	48
Божественное	49
Ночная охота	50
Серьезно	51
Последний шанс	52

Пирамиды	53
Весна	55
Весна	56
Ода себе	58
Есенину	59
«А я не вспоминаю этот май...»	60
Крокодилы слезы	61
Окраина Москвы	62
Английскому клубу	63
Диалог с топором	66
«Бить собак – это очень плохо...»	68
Дождь	69
Рыбки	70
Вьетнамская лодка	71
Дамокл и Дионисий	73
Первая проба	77
Я и лето	80
К вопросу о поэтической точности	81
Глава... в которой я признаю в себе поэта	82
«Облака проплывают, вроде...»	84
Тост	85
Кафе «Синяя птица»	86
Божий дар или яичница	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Борис Щербаков

Семь тетрадей. Избранное (сборник)

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректор *О. Боченкова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Дизайн обложки *Л. Беницуша*

© Б. Щербаков, 2012

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Начало 1972–1977 гг.

Баллада

Зачем я не воин и в битве кровавой
Другие встречались, мечами звеня?
Зачем на коне не скачу я по травам
И царская дочка не любит меня?

Зачем за спиною не чувствую лука
И в речке студеной коня не пою?
Зачем во дворце перед близкой разлукой
Под гусли я песню свою не пою?

Зачем я, друзья, на волнах океана
Не правлю рукою умелою челн?
И вместе с дружиной в заморские страны
Не мчусь я по грядам бушующих волн?

Эй, буйные ветры! Бушуйте и рвитесь!
С шатра не сорвать вам трепещущих лент.
Зачем не боец я, не воин, не витязь
(Хотя и дружинник), а просто студент?

Рождественский сон

Вот послушайте... Тишь...
Это хлопья уставшего снега,
Словно сказочных бабочек рой
Опускаются вниз.
И, уставши от вечного бега,
Даже время вечерней порой
На пушистый сугроб
Отдохнуть потихоньку садится.
Я иду, темнотой окружен,
Только, может быть, мне,
Только, может, все это мне снится?
Ну, конечно же, это рождественский сон.

Ночь перед весной

Буря, буря стелет снегом паутину переулков,
И, как свечи, догорают
Огоньки твоих окон.
Слышишь, топают морозы
По сугробам шагом гулким?
Слышишь, где-то за домами
Колокольцев перезвон?
Это мчатся чудо-кони
В вихре снежного бурана,
А под белую фатою
Там волшебница-зима.
Намечают ей морозы
Серебристые курганы,
Из искрящегося снега
Воздвигают терема.

Поток

Поток рванулся, вздыбив спину,
Сломив сопротивление льда,
Как вырываются стада
Весной на сочные долины.
Открыв весенний хоровод,
Поток рассыпался ручьями,
Как солнце вешнее лучами,
И воды ринулись вперед.

Набросок

Это лето. Сам жаре не рад,
Прячась в зелень от нее устало,
Май акации медовый аромат
Разливает щедро по бокалам.

Не бывает

Не бывает такого осенью,
Даже в сказках ты не найдешь,
Чтоб из белого неба с просинью
По-весеннему капал дождь.

Не бывает, чтоб тучи схлынули,
Чтобы небо – как по весне,
Чтобы солнце лучи раскинуло —
И купается в голубизне.

Нет, бывает, что так случается,
И приходится согнуть тьме,
Только люди не удивляются,
Знают, все равно – быть зиме.

«Сегодня вдруг сентябрь...»

Сегодня вдруг сентябрь
Взглянул в мое окно.
Увидел я, как ветер реки студит.
Ведь день Ильин прошел уже давно,
А это значит, что тепла уже не будет.

Сон Иисуса

Не помню, был ли это сон
Или простой мираж в пустыне.
Я видел город, слышал звон
Колоколов, мираж... а ныне...
Песок кругом, один песок,
Пустынна даль, пустынно небо,
И солнце мне печет в висок.
Воды... Воды хочу... но где бы
Ее найти, скажите, где
Мне взять живительную влагу?
Я знаю, истина в воде.
Хотя испил бы лучше брагу,
Чтобы заснуть и вновь во сне
Увидеть снова этот город.
Недолго жить осталось, скоро
Молебн отслужат и по мне.
Он был прекрасен, город сна.
Вдали, за зелени прохладой,
Вставала белая стена,
Что ограждает рай от ада.
Я видел белые дома,
Ручьи, бегущие в равнину,
Базар – людская кутерьма,
Там дети, женщины, мужчины.
И думал я про них тогда,
Что нет счастливей их на свете.
Покой и счастье навсегда
Мужчинам, женщинам и детям.
И я был броситься готов
Водой студеною напиться
И отдыхать в тени садов,
Где чудным хором свищут птицы.
И я пошел к стене, хотел
Я отворить врата златые,
Но шагу сделать не успел,
Как понял: все мечты пустые.
Исчез мираж, и звон угас,
И я опять один в пустыне...
Пусть будет дождь, пускай он хлынет
С небес! Но вижу, тщетен глас.
Что значу я, зачем я, Боже?
Который день не ел, не пил.
Простой песок мне служит ложем,
Так скоро выбьюсь я из сил.
Я человек, Отец! Пойми Ты,

Нужны простые люди мне.
Но для меня врата закрыты
В высокой каменной стене.
Но почему?! Зачем тогда я?
Иль это правда был лишь сон?
Мираж, мираж, виденье рая,
Фонтаны, зелень, люди, звон.
А на реальность так похоже...
Так значит, сон... Прости мне, Боже!
Подумал я: «Мираж, ну что ж,
Не он, так я... одно и то же...»
Воды, воды... хочу воды.
Зачем вы шутите со мною?
Я видел чудные плоды
В садах за белою стеною!
Хочу... воды! Но жгуч песок,
И капли влаги нет в помине
Чумное солнце жжет висок,
Пуста безводная пустыня.

«Растравила весна, растревожила...»

Растравила весна, растревожила,
А всего лишь февраль на дворе.
И чего-то совсем непохожего
На обычное хочется мне.

Чтобы медом пахнула акация,
Чтобы трель за собой позвала,
И весна ослепительной грацией
По пахучим лугам проплыла.

Пусть сегодня тебя не увижу я,
Только знаю, что ты меня ждешь.
Ты моя, по-весеннему рыжая,
Будто с неба апрельского дождь.

«Ты знаешь, может статься...»

Ты знаешь, может статься,
С чего это я злой?
С чего боюсь остаться
Наедине с собой?

А дома я скучаю,
Устав от кутерьмы,
И за стаканом... чаю
Готов сидеть до тьмы.

Ты, может статься, знаешь,
Кого это я жду?
Ищу, но, понимаешь,
Никак вот не найду.

Хочу, хочу быть с теми,
Кто выбрал трудный путь.
Бежит шальное время,
Да так, что просто жуть.

Ты знаешь, может статься,
О чем я говорю?
Сегодня девятнадцать,
А двадцать к ноябрю...

Хочу я...
(песня на музыку А. Исакова)

С рассвета и до темноты
Хочу я всего лишь не боле,
Чем мять сапогами цветы
Усталого теплого поля.

Хочу, – да простит меня Бог, —
Немного свободы, хочу я,
Чтоб волны ласкались у ног,
Кровавые раны врачуя.

Хочу я заснуть на траве
Под песню пчелиного гула,
Чтоб ты головой к голове
Легла и со мною заснула.

Хочу я припасть к роднику,
Холодную воду смакуя.
Я чувствовать радость могу,
По целому миру тоскуя.

Когда ко мне явишься ты,
Как будто бы с иконостаса,
С рассвета и до темноты
Я жду только этого часа.

Дума нелегальная

Убогой кухни шел я мимо,
Как то случилось – не пойму,
Как вдруг ужасная картина
Открылась взору моему.

Зловонный дух угрюмо вился
Над кучей с гору Эверест,
И смердный запах разносился
На много сотен верст окрест.

Угрюм и чем-то опечален,
В той куче рылся человек,
И пот холодными ручьями
С его чела на землю тек.

Его спросил я, ужаснувшись
(Все как-то вырвалось само!):
«Откуда ты?». Он, разогнувшись,
Ответил тихо: «Из МГИМО...»

На нем защитна гимнастерка
И на платформе сапоги,
В глазах такая грусть, что горько,
И тьма, что не видать ни зги.

Он на меня взглянул с тоскою,
И я отвел поспешно взгляд.
И вспомнил (с трепетом, не скрою),
Что завтра мне идти в наряд...

Дума легальная

В ажурном ореоле песен
Сидит на ветке соловей.
Но он ведь менее полезен,
Чем старый дятел – враг червей.

Когда волна шумливой пеной
На берег бросится в тоске,
Она смывает непременно
Любой рисунок на песке.

Природы тайны неподвластны
Сознанию нашему порой,
И то, что кажется нам ясным,
На деле скрыто темнотой.

Сон в летний день *(Песня, музыка А. Исакова)*

Вот так лежать и тишь бы эту слушать
Среди полей, слезящихся росой.
Ничто не может, кажется, нарушить
Всевышним нам ниспосланный покой.

И вдруг, когда сама земля заснула
Под мягким покрывалом облаков,
Вы чувствуете, гарью потянуло,
И дым пополз по бархату лугов...

Себе не зная истинной цены,
Ты думаешь, что создан для войны.
Послушай, обладатель жизни краткой,
Зачем тебе сражения нужны?

За горизонт метнулся белый сполох
И выжег небо яркое дотла,
И мириады искорок веселых
Кругом зажгли пожаров факела.

Быть может, это даже и красиво —
Очарование слепящего венца.
Да кабы в сизом облаке разрыва
Не видеть смерти желтого лица...

Себе не зная истинной цены,
Ты думаешь, что создан для войны.
Послушай, обладатель жизни краткой,
Зачем тебе сражения нужны?

Подумай, обладатель жизни краткой,
Оставь свой меч и пыл войны оставь.
Ведь если рухнет мир, по-детски шаткий,
Все это может превратиться в явь...

Вот так лежать и тишь бы эту слушать,
Забыв про этот сон и про войну,
Пусть будет так, чтобы никто не мог разрушить
Земной покой и эту тишину.

Ты слышишь?

Застыли тополя, но через миг
Рванется ветер, пробежит по кронам.
Ты слышишь музыку: Шопен, Чюрленис, Григ...
Играет для тебя оркестр зеленый?

Ты слышишь, как шуршат странички нот?
Ты слышишь, как звучат аплодисменты?
Галерка хлопает, волнуются студенты,
Шумливый и восторженный народ.

И я бы с ними вместе крикнул: «БРАВО!»,
Но слишком поздно вспомнил о себе.
Я весь восторг свой отдал лишь тебе,
Я рассыпал его налево и направо.

Пусть все недолговечно между нами,
И этих чувств возвышенных прилив.
Мы разойдемся разными путями,
В сердцах воспоминанья сохранив.

К 9-ому числу

А прав был, верно, старый Пифагор,
Когда такую схему мира мыслил,
Где суть вещей, явлений есть набор
Всевышним упорядоченных чисел.

«Мой старый дед, мой старый, добрый дед...»

Мой старый дед, мой старый, добрый дед,
Он каждый год с волненьем ждет весну.
И майский день, и яблоневый цвет,
Что, как всегда, расплещется в саду.

Мой старый дед, мой старый, добрый дед,
Он, как всегда, оденет ордена.
Тем орденам уже за тридцать лет,
Ведь тридцать лет как кончилась война.

И, сев за стол среди своих детей,
Он гордо, как хозяин именин,
Расскажет им про труд военных дней,
Про битву за Москву и за Берлин.

И вновь его рассказам поражен,
Смирю немного юношеский пыл
И вспомню то, что говорил мне он,
О чем сегодня он уже ЗАБЫЛ!

Сонет № 1

Как братья-близнецы, любовь и ненависть похожи.
И там, и там для половинок места нет.

И там, и там снедает дума, сердце гложет,
И то, и то пройдет, в душе оставив след.

И там, и там, отдав сомненью мысли,
Ответа мы не ищем в здравом смысле.

Ко всем богам взываем для победы,
Забыв про мир, про радости и беды.

И там, и там, впадая в плен опасный,
Над чувствами порою мы не властны.
Для тех, кому смешно сравнение это видеть,
Я говорю, не утверждаю вовсе я,

Что все равно, любить или ненавидеть,
Совсем, совсем не в этом мысль моя...

«Приходит время, думаешь подчас...»

Приходит время, думаешь подчас:
Я просто жизнь свою разбил на роли
И их играл, до дикости, до боли,
Вживаясь в них на год, на день, на час.

Слезинки летнего дождя

Твои глаза полны печали,
В слезинках летнего дождя.
Мы оба думали вначале,
Что все сгорает, уходя...

Мы все учли и обсудили,
Все пролетело, как гроза.
Но только в памяти застыли
Твои глаза. Твои глаза.

Они тогда почти смеялись
В слезинках летнего дождя.
«Ну, вот и славно попрощались», —
Тогда я думал, уходя.

Сегодня влажный ветер лета
Напомнил снова эти дни,
Когда в Москве, теплом согретой,
Лишь мы бродили, мы одни.

Я жду тебя. Но только где ж ты?
Не все сгорает, уходя...
Ты видишь искорки надежды
В слезинках летнего дождя?

Ода на взятие моего сердца

Весна ли во мне разбудила поэта
Слезящейся зеленью нежной травы.
Нет, вовсе не ей я обязан за это,
А просто сегодня мне встретились Вы.
И, душу сомненьям отдав и тревоге,
Я думаю ночью, я думаю днем:
Зачем же я жил, коли прежде, – о Боги,
О Боги! – Вас не было в сердце моем?

По Вам бы слагать пышноцветные оды,
Лишь Вам стоголосые гимны бы петь.
Одной Вам свой труд отдавая и отдых,
За Вас отправляясь на жизнь и на смерть.
За трепетным станом прекрасной березы
Я вижу, я слышу, я чувствую Вас,
В волнительной свежести утренней розы,
Но Вы обаятельней в тысячу раз.

Весна ли во мне разбудила поэта
И жизнь подарила волшебным словам?
Весна позабыта, другими воспета,
Не ей моя ода, а Вам, только Вам.

Нет, Вам не к лицу золотистые нимбы,
И тоги святых, это, знаете, вздор.
Святые – святыми, но только вот им бы
Такую решительность, смелость, задор.

Но, Боже, к чему эта медь дифирамба?
Чтоб выразить все, что сказать я готов,
Не хватит никак ни хорея, ни ямба...
Слова, все слова, как устал я от слов...

А может быть, нужно простое «спасибо»,
Земное «спасибо» за то, что Вы есть?
Но только не надо, не надо улыбок...
Ведь это не шутка, не праздная лесть.

Весна ли во мне разбудила поэта
Слезящейся зеленью нежной травы?
Нет, вовсе не ей я обязан за это,
А просто сегодня мне встретились Вы.

«Крылом махнула цапля над рекой...»

Крылом махнула цапля над рекой,
И ветер стих, и как-то сразу разом
Моргнуло солнце красным рыбьим глазом
И в пекло укатилось на покой.

Куда-то вдаль уплыл последний свет,
И мир заснул, ему, наверно, снится,
Как под крылом парящей гордо птицы
В слепящих брызгах занимается рассвет.

Последний путь иисуса

Голгофа горбилась вдали,
Закат спускался ржаво-рыжий.
Казалось, все пути вели
Туда, вперед и к небу ближе.

Виденье куталось в пыли,
Она ждала, немая груда...
Казалось, все пути вели
Туда, и лишь один оттуда.

Его вели, прощаясь с миром,
Он тихо шел, а что он мог?
Он не кудесник и не бог,
Зачем-то названный кумиром...

«За что судьба со мною зла? —
Он про себя твердил упрямо. —
За то, что злость меня взяла,
Я выгнал торгашей из храма?

За то, что излечил калек,
За то, что хлеба дал народу?»
Он тихо шел, чтобы навек
Обрести величье и свободу...

Толпа вокруг него росла.
Он снова окружен толпою.
Сама земля его несла,
Чтобы возвысить над собою.

Так вот она, людская скорбь,
В шемящем горе этих взглядов.
Но ты держись, спины не горбь,
Не порть прощального парада.

Другие прячутся вдали —
Им подавай простое чудо!
...Он шел... И все пути вели
Туда... и лишь один оттуда...

К поэме о числах

Первый день проводи с тоскою,
На второй понадейся вновь.
И, сказав себе «нет – покою»,
Третьим днем разыщи любовь.

На четвертый оставь сомненья,
В пятый день не войди, вбеге,
Только капельку сожаленья
На потом себе побереги.

На шестой наслаждайся властью
И во всем на седьмой разберись,
На восьмой искупайся в счастье,
А девятого берегись...

А когда тебя жизнь остудит,
Ты, наверное, сам поймешь,
Что десятого дня не будет,
Как бы ни был восьмой хорош.

«Боль была ослепительно белой...»

Боль была ослепительно белой,
Как колючий декабрьский снег.
Мне с собой ничего не поделать,
Я такой же как все человек.

Будто вспышка, минутная слабость,
И слова застучали в висках.
«Горе – наша любовь, а не радость,
Наше счастье – не в наших руках».

Больше нет перед нами препятствий,
Больше нет нескончаемых лет.
В жизни есть испытание счастьем,
Испытания временем нет.

Где мое ненайденное счастье,
Радость дней и тревога ночей?
Боль была удивительно ясной,
Как прозрачный, студеный ручей.

Осень

Мы – это листья, что кружатся
В вихре последнего танца,
Чутко внимая октаве органа
Прозрачного дня.
Мы разлетимся и даже не бросим
Друг другу: «Останься!»
Я позабуду тебя, да и ты позабудешь меня.

Что нам обиды, которые будут
В мгновенье забыты?
Что нам надежды, которые тают,
Чуть только застыв?
Мы – это листья, что кружатся в осени,
Солнцем залитой,
Жадно встречая холодного ветра
Упрямый порыв.

Ночь игуаны

Под развесистым платаном
Привязали игуану,
Так, для смеха, для забавы,
Чтоб не мять ей больше травы
И с камнями не сливаться,
Не искать себе добычи,
Чтоб весной, храня обычай,
Не продолжить больше рода...
При стечении народа
Под развесистым платаном
Привязали игуану.
Всем им хочется сильнее
Затянуть петлю на шее,
Чтоб, боясь кровавой раны,
Не рвалась бы игуана.
Люди знают: надо, надо
Толстым боцманским канатом
Игуану привязать,
Только жаль, что негде взять.
Злые лица, злые позы,
Только незнакомы слезы
В мире змей и игуан...
А веревка долго трется,
Только ведь всегда найдется
Тот, кто ночью под платан
Проберется осторожно,
Не шумя, насколько можно,
Перережет ту веревку.
Только утром эти люди
Все равно его осудят.
А ведь столько было б смеха,
Вот забава, вот потеха!
Под развесистым платаном,
На веревке – игуана!

Хочешь?

Хочешь, кульбитом Корбут
Сдам ГТО норму?
Влезть могу на Эльбрус двугорбый,
Только скажи, что любишь!

Хочешь, рассыплюсь трелями барда?
У шах-ин-шаха выиграю в нарды,
Шпагу могу проглотить, алебарду,
Только скажи, что любишь!

Хочешь, досрочно сдам сессию,
И – на каникулы в Полинезию?
Могу открыть изотоп для цезия,
Только скажи, что любишь!

Раньше, бывало, достанешь звезды —
И хорошо. Легко и просто.
Но ты подумай, может быть, поздно,
Пока ты скажешь, что любишь.

Ступени

В этом доме большом ни дверей, ни окон,
В этом доме отчаянно мечутся тени.
Все, как было всегда и веков испокон —
Вверх и вниз убегают немые ступени.

На одних – покрывалом тяжелая пыль
Погребает следы проходивших когда-то.
Это значит – безветрия длительный штиль
Бережет их, как мы бережем экспонаты.

На других – миллионы упругих подошв
До округлости стерли у мрамора грани,
Руки вытерли краску перил... ну и что ж,
Им Создатель воздаст за такое старанье.

А ступени бегут до вершин снеговых,
Что качаются с небом сияющим вровень.
И какая вам разница, если на них
Вы увидите пятнышко высохшей крови?

А ступени бегут, уходя в темноту,
Паутину и грязь, и еще что-то кроме.
Проходите, пожалуйста, в ту или в ту?
Ни окон, ни дверей в этом сказочном доме.

В этом доме большом ни окон, ни дверей
И не платят жилыцы ни квартплаты, ни пени.
И еще хорошо, что веков испокон
Вверх и вниз убегают куда-то ступени.

Гоголевский бульвар

Весь бульвар оккупирует лужами
По-весеннему чистая грязь,
А по краю его, будто кружевом,
Оплетает чугунная вязь.

За ее вековыми изгибами
Даже время не очень видно,
Как и раньше – скамейки под липами,
Старики ворошат домино.

И за чадом, мехами укутанным,
Неусыпная няня следит.
По ветвям, от весны перепутанным,
Воробьиная стая сидит...

Ну, а вечером – просто не верится!
Это будто красивый эстамп, —
По бульвару искристому стелется
Мягкий свет галогеновых ламп.

За стволами, где сумерки снежные,
Таки и жди, промелькнет фаэтон.
Вы не видите взгляды мятежные
В гальванических срезах окон?

Вы не видите грусть и страдание
По России, утопшей в ночи?
Это стало далеким преданием,
Но горит еще пламя свечи.

Хоть теперь не сыскать городничего,
Светоч разума – он не погас.
Гоголь сам, не смущаясь величия,
С постамента взирает на нас.

Весна на крыльях птиц

Недавно город встретил тучу птиц,
Недружелюбно, холодно и хмуро.
Взглянул на них толпою скучных лиц
И отвернулся в сторону понуро...

Недавно в город, радостно паря,
Влетели птицы, гимн весне слагая.
А город мялся (рано, мол, и зря),
Весне другие сроки полагая.

А вот они, над сетью проводов,
Над грязью улиц и апрельской топью,
Не думали: готов иль не готов
Принять наш город птичью утопию.

Они влетели, будто на парад,
Тепло и дружно, будто ветер майский.
Замельтешились, – вверх, вперед, назад, —
Взирая вниз немного по-хозяйски.

Но, может быть, у них своя весна,
Свои права на этот грустный город
И сроки пробуждения от сна
И мир напополам для нас расколот?

А может, проще: мы, восторга их
И ликования их понять не можем.
Я обернулся и... в какой-то миг
Мой город хмурый улыбнулся, ожил...

А я молчу. А мне б искать слова,
Слагать стихи, кричать об этом мне бы,
Что все-таки у нас одни права
На этот город, улицы и небо.

«Мы попрощались бегло, торопливо...»

Мы попрощались бегло, торопливо,
Спеша домой (как будто бы спеша!).
А дождь под властью нежного порыва
Прошел по листьям, каплями шурша,

Нас не заметив, теплой майской ночью,
Мы попрощались в этот поздний час.
Мы попрощались... Нет, я не пророчу,
Но май пройдет и не заметит нас.

Еще чуть-чуть, еще совсем немного —
И нас весна оставит в стороне.
Нас не заметив, светлую дорогу
Открыв другим, кто верит ей, весне...

Май

Не было ничего, не было.
Зачем выдумывать миф?
Весна ничего не требовала,
Она была для других.

Было иль не было – все забудется,
И тот удивительный май.
Этот сон никогда не сбудется,
Вспоминай или не вспоминай.

Ни лавочки под дождем, ни холода,
Ни губ и ни глаз твоих,
Ни сердца, чугунным молотом
Стучавшего за двоих.

Поверите ли, не поверите,
А только весна была.
Попробуйте-ка, измерейте
Радость ее тепла.

С Земли ли, откуда, с неба ли
Ты появилась вдруг,
И былями стали небыли,
И долгий замкнулся круг.

И снова ты, как открытие,
Появилась в моей весне.
Сможешь ли ты забыть ее,
Не говоря об мне?

Не было ничего, не было,
Зачем выдумывать миф?
Весна ничего не требовала,
Она была для других...

Гастрономическая лирика

Когда бегут, спешат ночные тени,
Пугая путников, плутающих в ночи.
То увязая в тьме переплетений,
То разлетаясь, как весенние грачи.

Туман теплом объял ночную землю,
В нем даже «шорохи ночные не слышны»,
Устав от суеты, на небе дремлет
Тяжелый, аппетитный сыр луны.

Божий храм

«Широка река Ока, да не больно глубока».
Каламбурчик

Вчерашний день вечор спеша домой,
Я наблюдал окрестные селенья,
Как вдруг – о Боже! – взор усталый мой
Скользнул по храму в странном запустенье.

Обитель Божья стала храмом воронья,
Алтарь насестом служит птицам глупым.
Зияет черный вход, как полынья,
Давно травой порос дырявый купол.

Обочь – береза чахлая в пыли,
Согнулась, будто просит подаянья.
Подпорки – словно нищей костыли
И крона – будто нищей одеянье.

Но путник, ужаснувшись сим виденьем,
Спешит оставить оскверненный храм.
И если осенит себя знаменьем,
Так только чтоб забыть скорее срам.

Сворочен крест, давно ступени сбиты,
Алтарь таков – не видели б глаза,
Внутри все искореженные плиты,
Загажены святые образа.

Но разве можно время вспять вернуть?
Оно ушло, вернее, мы его убрали!
А теплоход наш продолжал свой путь,
Экскурсию по водной магистрали.

Но верю я, сюда придет народ
И храм поднимет, вновь наполнив звоном.
И возле входа бережно прибьет
Табличку: «Памятник архитектуры. Охраняется законом».

Рязанские раздолья

Да, луна здесь больше в сто раз,
Потому что на Севере, что ли?
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

Пусть от неба в глазах дрожь,
Пусть там фиников всяких вволю,
Как бы ни был Египет хорош,
Он не лучше рязанских раздолий.

Даже с Эйфеля видя крыш
Черепички, я думал с болью:
Как бы ни был красив Париж,
Он не лучше рязанских раздолий.

Небоскребы – один восторг,
Высотища в полет соколий,
Как бы ни был хорош Нью-Йорк,
Он не лучше рязанских раздолий.

Вдоль по берегу – пальм бордюр,
Пью из воздуха цвет магнолий,
Как бы ни был мил Сингапур,
Он не лучше рязанских раздолий.

Я, наверное, был один,
Полагая в разгар застолий:
Как бы ни был хорош Берлин,
Он не лучше рязанских раздолий.

Пусть там даже растет мандарин,
Пусть там пагоды, что же, коли
Как бы ни был красив Пекин,
Он не лучше рязанских раздолий.

Нефть рекой средь бескрайних нив
И мустанги в зеленом поле —
Как бы ни был Техас красив,
Он не лучше рязанских раздолий.

Ах, как жаль, что не там я, что ж,
Ну да полно страдать по доле!
Как бы ни был мой стих хорош,
Он не лучше рязанских раздолий.

В лужах
(гастрономическая лирика)

В лужах, палитру свою керосинью
Выплеснувших, как ведро из окна,
В лужах, смеющихся солнечной синью,
Бродит, как пиво, шальная весна.

Я четвертовал себя

По прошлому плача шибко,
По будущему скорбя,
Я сделал большую ошибку —
Я четвертовал себя.

Советам чужим не веря,
Желая не быть, а жить,
Я все в человеческий череп
Не мог никогда уложить.

Я с этой идеей сжился,
И, сердце свое скрепя,
Я все ж, наконец, решился
И четвертовал себя.

И сразу четыре части —
Какую кому раздал.
Но ни одной из них, к счастью,
Я никому не продал.

В стенах пятидневных будней
Тихо живет одна,
Мягкая, словно студень,
Просматривается до дна.

Другая, добрей и слаще,
Моими друзьями живет.
Кто ищет ее – обрящет,
Кто хочет ее – найдет.

А третья – как острое шило,
И трогать ее не моги.
Пускай же ее, решил я,
Страшатся мои враги.

И, им день рождения справив
И все же себя любя,
Я сделал ошибку, оставив
Последнюю для себя.

И вот сижу с ней, братцы,
Ночами ее стерегу.
Никак не могу разобраться
И вряд ли когда смогу...

Зеленый снег

По ковру из опавшей листвы,
Как по снегу, бегу.
Мне бы не потерять головы
На зеленом снегу.

Как не хочется мне уходить
От осенней мечты.
Я прошу: отвернись, не гляди,
Как увянут цветы.

День холодный прозрачен, как лед,
Тишина на земле.
Только ветер устало поет
Об ушедшем тепле.

Обними меня, не отпускай
И дыханьем согрей.
Знаю, будет зима, и пускай,
Только лучше б скорей.

Чтобы не было только беды,
Я тепло берегу.
Только не остаются следы
На зеленом снегу.

Мягко стелет упругая топь
Повороты дорог.
Что мне сделать, скажи, чтобы вновь
Не был я одинок.

По ковру из опавшей листвы,
Как по снегу, бегу.
Только не остаются следы
На зеленом снегу.

Снег идет

Снег идет, веселый и живой.
Топают по мягким, белым лужам,
Хлюпают по мокрой мостовой,
Сам, как кажется, порядочно простужен.

Он шагает, будто часовой,
В гулкой тьме, бросая всюду тени.
Снег идет, веселый и живой,
Топают по улицам осенним.

Он во всю свою шальную прыть
Шлепает по-детски там, где хочет.
Что ему, дурному, эта стыть,
Эта слякоть, тьма угрюмой ночи?

И хотя я так спешу домой,
Захотелось именно сегодня
Вместе с ним пройтись по мостовой,
По домам и гулким подворотням.

Фантастика
(гастрономическая лирика)

Не надо быть ни Бредбери, ни Лемом,
Чтобы рассвет увидеть наяву.
Слоеный, как пирог с клубничным кремом,
Специально испеченный к Рождеству.

Божественное
(гастрономическая лирика)

Хвала не Богу, не Аллаху и не Кришне
За то, что снег – как зернышки крупы,
За то, что солнце, как желток яичный
В сыром белке небесной скорлупы.

Ночная охота

Деревья устали до пятого пота,
И ветви их вздулись, как вены.
Но все продолжалась ночная охота —
Охотникам не было смены.

Деревья устали обшаривать небо,
И небо пощады просило.
А в небе металась смешно и нелепо
Луна, нагулявшая силу.

А ветви вздымались в порыве едином,
Добычу сетьюми накрывая.
Но снова она по их жилистым спинам
Катилась, покуда живая.

Беснуется снова охотничья стая,
Цепляя ветвями друг друга.
Досадуя сильно – добычу спасают
Просторы небесного луга!

И нету светила полночному ходу
Тропинками неба ночного.
Лишь утро закончит пустую охоту,
Чтоб ночь начала ее снова.

Серьезно

Любить – это значит стараться навек
Сберечь нераскрытую тайну.
Ходить, да не просто, – а на голове
И думать, что это нормально.

Любить – это значит свихнуться всерьез,
Без всяких к тому отговорок,
Чтоб каждый друг другу был дорог до слез,
До боли сознания дорог.

За сердце любимой душой платить,
Платить и не требовать сдачи.
Любить – это, вобщем-то, значит любить,
И больше ни черта не значит.

Последний шанс

Над городом повис протяжный гуд.
Он пел и пел, натужно, глухо, грубо.
В усталом небе – дыма черный жгут
И свечками стоят стальные трубы.

Толпа текла по сбитой мостовой
Одним движеньем – люди, чемоданы,
Поднятые над чье-то головой,
И снова люди, мысли их и планы.

А мысль одна – попасть туда, попасть,
Уехать, убежать, успеть, умчаться.
Пока толпа совсем не взорвалась
(Когда-то надо этому начаться?).

Толпа теснилась теплой толчеей
В предчувствии того, что что-то будет.
Ползла дорога грязной чешуей
Туда, куда стекались эти люди.

Спасение стояло на парах.
Последний шанс. Всех в мире истин мера.
В глазах людей – усталость или страх?
Отчаянье или искренняя вера?

Но вот протяжный гуд немного сник,
И страх еще сильнее заметался
В глазах толпы. Настал последний миг.
Трамвай рванулся. Мир Вам, кто остался.

Пирамиды

Из камня ли слагали пирамиды,
Стремящие вершины в небеса?
Висячие сады Семирамиды,
Колоссов и другие чудеса?

Из камня ли слагали постаменты,
Сдаваемые вечности внаем?
Слагали, как красивые легенды,
Как гимны о величии своем?

История течет необратимо,
Ей, вобщем-то, до жизни дела нет.
Так, скажет ненароком – проходи, мол,
А хочешь, так оставь на память след.

А лучший след – какое-нибудь чудо,
Навроде маяков и пирамид.
Из камня ли немые эти груды,
Недвижные и мертвые на вид?

Вглядитесь в эти выбитые склоны,
Они тысячелетьям счет вели.
Не красочное имя фараона
Венчает эти метины земли.

По этим склонам, граням, – как хотите, —
Людская жизнь текла, как кровь течет.
И пирамида, – вы ее спросите, —
Наверно, помнит всех наперечет.

Всех, кто одной могучей вереницей
Тянул ярмо. А вы бы так смогли б?
Величье в том, чтоб вместе с ними слиться,
Осилив твердь и тяжесть этих глыб!..

Она, конечно, всех прекрасно помнит,
Кто единый с молотом своим
И высекал гранит в каменоломне,
Тщеславием нисколько не томим.

И тех, кто строил долгие дороги,
И кто однажды, вдруг нарушив строй,
У вечности споткнулся на пороге
И был раздавлен каменной горой.

История, она не дорожила
Таким сырьем, как жизнь ее рабов.
Она брала их мускулы и жилы,
Чтоб гимн сложить величию богов.

Для пирамид, размеренно и вяло,
Считает время годы, будто дни.
Так все же из какого матерьяла
Воздвигнуты, сработаны они?

Весна

Пролог

I

В солнечной прозрачной акварели,
Там, где синь чиста и глубока,
Слышу звуки мартовской свирели,
Теплые, как талые снега.

В солнечной прозрачной акварели
Я поверил каждому штриху,
Как соблазну сладостному верят
И как верят тайному греху...

В этой вере – вся шальная сила,
Молодость – как брызгами волна!
А весна вовеки б не простила,
Если не поверить ей сполна.

Да, сполна признать ее всевластье,
Встретив звоном ратного щита.
Так встречают день большого счастья,
День, когда сбывается мечта.

Главное, надежды б не сгорели
Чувства не помялись бы, пока
В солнечной прозрачной акварели
Неба синь чиста и глубока.

Весна

Основная часть

II

Из солнца вылутился солнца смешной птенец.
Ну, наконец!
И молодым своим задором
Заставил петь все в мире хором.

Из неба вылупилось солнце.
Счастливый глаз.
В который раз
Оно властительно и смело
Взялось решительно за дело:
«А дай-ка, – думает оно, —
Я этот мир ополосну.
Таким чумазым все равно
Он не рискнет идти в весну».
И вот открыт весенний душ,
И мир, немного погодя,
Ложится в ванну теплых луж,
Резвясь, как малое дитя.
И вот он чистый, как трамвай,
Влетает, грохотом горя,
В такой земной весенний рай,
Где радость плещет через край,
Где все случается не зря,
Как в сказке,
В которой нет несчастных,
В сказке,
Где нет людей напрасных.
В сказке,
В которой все добрее,
В сказке,
Где люди не стареют,
В сказке,
Которой имя мы придумали —
Любовь...
Из неба вылутился солнца смешной птенец,
Зиме конец.
И я иду как на парад,
Ему чрезвычайно рад.

А солнце целый день без лени
Прохожих ловит на блесну
Своих улыбок, настроений,
На откровенную весну.
А люди в принципе просты,
Им дай немного теплоты —
Они без чьей-либо указки
Клюют и ловятся как в сказке.
Весна... весна!

Ода себе

Земля полна лишь мудростью гигантов,
Таких, как я, отмеченных судьбой.
Плеядами немеркнущих талантов,
Несущих крест незримый над собой.

Мой стих глубок и так проникновенен,
В нем только суть земного бытия,
Не будь я выше, буду откровенен,
Заплакал бы над строчками и я.

Вопрос не только в силе интеллекта:
Мне равных нет, замолкни, Цицерон,
В искусстве слова – я достойный лектор,
Великолепен я со всех сторон.

И если ослепительная внешность
Иным не служит признаком ума,
То я скажу, и это не поспешность,
Я как царица Савская сама!

Мне покорилась кисть, как виртуозу,
Непревзойден я в области пера,
Мои поклонницы бросали б слезно розы
К ногам, когда б я пел в Гран-Опера.

В мой смертный час Вселенная сомкнется
В глубоком трауре, и будет мир скорбить.
Ну как, пока такое сердце бьется,
Ну как меня, друзья, не полюбить?

Есенину

Физиономия, как у детки,
Глуповата чуть-чуть и робка,
И взирает на нас с этикетки,
Что со спичечного коробка.

Мне б без всякой фальшивой дрожи,
Тихо эдак, спросить, не кричать:
Что, за этим ты жил, Сережа,
Чтобы спички тобой венчать?

Чтоб брелки, от печати плоски,
Продавали, как лик святой,
Чтобы в каждом табачном киоске,
Бесшабашный и молодой,

Ты взамен запрещенной рекламы
Украшал своей трубкой брошь,
По которой страдают дамы,
Унимая блаженную дрожь?

Чтобы голосом раскаленным
И набухшим чуть-чуть в вине
Кто ни попадя пел о кленах
И о матери в шушуне?

И вдруг на тебе: с этикетки
Ты кокетливо клонишь глаз,
Мол, желаете ль сигаретки?
Я специально припас для Вас...

Ты прости, эти брошки, песни...
Я не дал бы за них и гроша,
Это очень нечестно, если
Продается твоя душа.

Эх, махнуть бы с плеча по роже
Тем, кто выдумал эту брошь!
И я знаю, что ты, Сережа,
И простишь меня, и поймешь.

«А я не вспоминаю этот май...»

А я не вспоминаю этот май,
Его последних слез, последних встреч его.
И ты его, мой друг, не вспоминай,
Пусть и тебе в нем вспомнить будет нечего...

Пустая и нечестная игра
Окончилась, как майская симфония.
Мы разошлись из зала кто куда,
Но долго, долго жил на этом фоне я.

И, жадно вспоминая каждый звук,
Не мог спастись я от виденья странного:
Твое лицо в изломе тонких рук,
Как будто в рамке, возникало заново.

А музыка, она звучит во мне,
Другая, непохожая на прежнюю.
Да, пусть горит тот самый май в огне,
Со всей его возвышенностью вешнею.

А я не вспоминаю этот май,
Его последних слез, последних встреч его,
А ты, мой друг, как хочешь, понимай,
Пусть и тебе в нем будет вспомнить нечего.

Крокодильи слезы

Прошел и праздник, радость утекла.
Держась за раму (и не без опаски!),
Уборщица смывает со стекла
Веселые и праздничные краски.

Какой-нибудь зеленый крокодил
И Дядя Степа в вытертой фуражке.
Конечно, Карлсон толст и очень мил,
Под стать родному чуду – Чебурашке.

А тряпка мокрая летит вперед-назад,
Ворчит уборщица, купая тряпку в тазе...
Ну что за люди, прям, как детский сад,
Намазали, навешали, а грязи!..

Ругая всех, кто дюже наследил,
(Намазали, пускай и смыли б сами),
Она не видела, что страшный крокодил
Заплакал настоящими слезами.

Пускай его в одно мгновенье смыли,
И что с того, что он ненастоящий,
Вы знаете, что в жизни крокодилей
Вчерашний день, вчерашний праздник значит?

Вот и она, наверное, не знала,
Когда сурово, без особой ласки,
Она, кряхтя, ругалась и смывала
Со стекол эти праздничные краски.

А я б оставил, пусть бы он пожил,
Глядел на нас печальными глазами.
Ведь просто жуть – ненастоящий крокодил,
А плачет настоящими слезами.

Окраина Москвы

Где я живу – окраина Москвы,
Но только здесь на «ты» бывают с миром,
Когда по веткам радостным пунктиром
Струится зелень будущей листвы.

Когда плывут надменно и высоко
Пушистые, как лето, облака.
Пока трава не вылезла. Пока
Березы плачут капельками сока.
Здесь людям восхищаться суждено
Великим обновлением природы.
И я из той счастливейшей породы,
Которые с природой заодно.

Я так решил. Не знаю я, как вы,
А я люблю, когда капель за ворот,
Я рад, что здесь деревня, а не город,
Я рад, что здесь – окраина Москвы.

Английскому клубу

...и снова жил фанфарами премьер

Когда б я не был слишком глуп,
Как большинство из нас. Во-первых,
Я б не пошел в английский клуб,
Чтоб уберечь от срыва нервы.

Я б эту чушь не городил —
Порыв, который столь бесплоден!
Я б этой дружбы не водил
И был бы более свободен.

И, во-вторых, я — Боже мой! —
Мог сэкономить силы, если
Я возвращался бы домой
И отдыхал в уютном кресле.

Не повторял, рыча как лев,
Осточертевшие репризы
И не сносил бы божий гнев
И режиссерские капризы.

И, взяв покой за номинал,
В премьерный день не суетился,
И, хохоча, не вспоминал,
Как кто-то что-то ляпнул, сбился...

Но я, представьте, слишком глуп,
Здоровью я не знаю цену,
И я пошел в английский клуб,
И я ступил на эту сцену.

Да, я не знаю, что покой
Определяет чувство меры.
Я сумасшедший, я такой,
Я снова жду огни премьеры.

Приду вечер, когда пора
Домой усталому вернуться,
Прожду часочка полтора,
Глядишь — актеры соберутся.

Но что спасало нас тогда
От перекала и от стрессов?
Но вот, сияя как звезда,

Приходит радостный Нерсесов!

За ним, для паперти рожден,
Сам Мясоедов к нам. Еще бы!
Значком цековским награжден
Он за отличную учебу!

На час покинув дом-музей,
Великий Циликов – о Боже! —
Спешит в компанию друзей.
Исаков будет, но попозже.

Что там в дверях за дивный свет?
Не солнце, не заря пожаров,
Но то с порога шлет привет,
Торгуя чем-нибудь... Можаров!

И, наконец, она... Всегда
Мы так и ждем ее советов.
Наташа. Торопова. Да —
Хозяйка наших менуэтов.

И вот он, клуб. Так юн и свеж.
Но где же милая Людмила?
Пускай Ивановна... Но где ж
Она, что нас объединила?

Она, которой Щербаков
Уже писал однажды оду,
Она, любимица богов.
Мы ждем явления народу.

Она, храня душевный такт,
Давно пришла, но «бэз» явления.
Как разумеющийся факт,
Как наше чудное виденье.

Такой святой энтузиазм,
Как у строителей Турксиба!
Как ей понятен наш маразм!
Ужель не скажем ей «спасибо!»?

Ужели сможем позабыть,
Какого б звания и чина
Нам не пришлось себе добыть,
Ее – причин первопричину?

И коль мы вместе с давних пор
(Пускай у всех свои сужденья),

Ужель не сможет дружный хор
Ее поздравить с днем рожденья!

Конечно, сможет. Это ж клуб!
Такую мы избрали долю.
Когда б я не был слишком глуп,
Я б нынче не дал сердцу волю.

Диалог с топором (юмореска)

Вино и флаги – все, как встарь,
Гуляют все – банкет оплачен.
Подавлен бунт, а сам главарь
Был окружен, разбит и схвачен.

Он знал, конечно, что теперь
Его последняя премьера.
Но ждет идея, – верь не верь, —
Последствий мрачного примера.

Правитель, замыкая круг,
Зловеще горбил эполеты.
Сложив на древко кисти рук,
Палач насвистывал куплеты.

Какой прекрасный диалог!
Палач, смыкая брови-дуги,
Его умело приволок
На эшафот, скрипя с натуги.

Он бить мечтал не просто так,
А между третьим и четвертым,
Где кровью пучится желвак,
Ярмом веревочным натертый.

Смельчак был смел. Но в этот час
Он зубы сжал, чтоб страх унялся,
И что он мог сказать сейчас,
Когда топор уже поднялся?

Он верил Богу и отцам,
Не зная, что когда нужнее,
Что гнев, разлитый по сердцам,
Уже не гнев, а пострашнее...

Но был он с этим не знаком,
И – кровь на белую рубаху —
И, хрустнув шейным позвонком,
Упал, как окорок, на плаху.

И вот когда, от крови ржав,
Топор закончил скорбный номер,
Суставы мягкие разжав,
Он душу выпустил и помер.

Дрожала сеть кровавых жил,
И горла вытянулся провод.
Всю убедительность вложил
Он в этот самый веский довод.

А всю любовь, какую смог,
Оставил нам в последнем слове,
Чтоб этот вечный диалог
Не доходил до аналогий.

«Бить собак – это очень плохо...»

Бить собак – это очень плохо,
Что-то вроде как совесть и душу
Выколачивать до последнего вздоха,
Как боксерскую грушу.

Только, будто подушка из пуха,
Люди бьют человеческого друга,
Бьют ногами по мягкому брюху,
Где соски розовеют упруго.

Потому что смешно и забавно,
Если горлом кровавая каша,
И клыки разжимаются плавно,
И немного торжественно даже.

Убежала б, да ноги из ваты,
И завывала б, да только не может.
Ну, а люди, они ль виноваты,
Если сила пьянит и корежит?

Сила – все, если разума кроха,
И не кажется вовсе, будто
Бить собак – это очень плохо
И нечестно еще почему-то.

Что придумать глупей и злее,
Что страшнее такого увечья?
Выколачиваем, себя не жалея,
Выбиваем все человечесье.

Дождь (эскиз)

Вчера, по берегу бродя,
Я вдруг увидел чудо:
Сначала иглами дождя
По нежной глади пруда

Вершило небо мерный труд.
И вдруг – разверзлись хляби
И выткал дождь вчерашний пруд
До серебристой ряби.

Тяжелый полог темноты
Отпрянул в изумленьи,
Когда упругие кнуты
Взорвались в иступленьи.

И все смешали – боль и крик,
И нету глади больше!
Мне показалось в этот миг,
Что пруд погибнуть должен

Под самой резкой из атак
Небесной батареи.
Но дождь – на фокусы мастак,
И он судьбы скорее.

И снова он расправил пруд,
Согнал в затоны пену.
И вновь взялся за долгий труд,
Уже в ночную смену.

Все было точно так, – ей-ей, —
Я в том готов поклясться.
Я б написал о том точнее,
Но вряд ли мне удастся.

Рыбки

Я тихих заводов боюсь, —
и как их только терпят реки,
Когда уже не дуют в ус,
Когда все чинно и навеки.

Когда в бессилии своем
Вместить и выдержать течение,
По одному, а то вдвоем
Себя сажают в заточенье.

И всюду тишь, покой и блажь, —
Программа сверена заранее, —
И разделяет вечер наш
Спокойный диктор на экране.

Хрусталь, ковры, паркет, фарфор,
(Вот только слоники пропали).
И жить, как жили до сих пор,
Как пили-ели, жили-спали...

Посадим рыбок в унитаз,
Покормим сверху сытной крошкой.
Глядишь, они полюбят нас,
Как мы себя.
...Слабей немножко...
Перелопатив, как навоз,
До боли тонкие науки,
Мы будем без метаморфоз
Тащить свой век, скрипя от скуки...

Пусть я об лед, как рыба, бьюсь,
Хочу тонуть! И снова плавать!
Но одного всегда боюсь —
Попасть в недвижимую заводь.

Забывать про бури и про шторм,
Боюсь, не оттого, что стыдно...
Хороший выйдет рыбкам корм,
Такой безропотный и сытный.

А эту гладь не всколыхнуть,
И будет взрыв потом напрасным...
Да видно, тут не в рыбках суть,
Ведь им-то заводь неопасна.

Вьетнамская лодка

Пощипывая негустую бородку
И вкладывая в работу злость,
Мастер из кости вытачивал лодку —
Черная, еле прозрачная кость.

Мастер – вьетнамец – худой и раскосый,
Щурился, шелкая языком.
Мастер – поэт. Что касается прозы,
С нею резец его незнаком.

Парус наполнился солнечным ветром,
Бортом зачерпывает волну...
Надо, наверное, быть очень щедрым,
Чтобы дарить и в такую войну.

Лодка летит по искрящимся рекам,
Через далекую от меня страну.
Надо, наверное, быть человеком,
Чтобы остаться им даже в войну...

А он работал, чередуя лодки
С тиграми, буддами, прочим старьем,
Когда даже тигры, от пороха кротки,
Были не тиграми, так – зверьем.

Он твердой рукой вырезал бороздки,
Мечтая, покуда длиться войне,
Чтобы земля была злой и жесткой
Для тех, кто там, на другой стороне.

Капрал, подтягивая толстый помоч,
Палит с бессилья по облакам,
Капрал не знает, какую помощь
Приносит людям эта сухая рука.

Узнает во всю луженую глотку,
Чертыхаясь изрядно, проклянет
Того, кто вырезал эту лодку,
Кто спины перед ним не гнет.

А он, ссутулив худые плечи,
Улыбнется, желтую вздернув скулу.
Человек не должен терять человечье,
Ни на фронте, ни здесь – в тылу...

Рассвет из серебряных нитей соткан,
В заливе качается, солнцем горя,
Маленькая костяная лодка —
Чудо вьетнамского кустаря.

Дамокл и Дионисий (притча)

Дамокл, льстец и лизоблюд
У сиракузского тирана,
Проснулся в это утро рано,
Когда одни рабы встают
Коням подсыпать корму в ясли,
Наполнить амфоры водой,
Потряс несвежей бородой,
Подмоченной в воде и масле.
Зевнул и встал – устал лежать,
Расправил мятую тунiku
И, шурясь солнечному блику,
На портик вышел подышать.
Такое небо, как весной,
Во время нежного цветенья
Тенистой рощи за стеной
У городского укрепления.
И так ей этот цвет идет,
Что небо, кажется, цветет
Таким же мягким белым цветом,
Приятной свежестью дыша.
Как жизнь чудесна, хороша!
И как же тут не стать поэтом?
Ах, как прекрасен этот мир,
Как полон света, жизни весь он!
Но сто крат боле он чудесен,
Когда идет за пиром пир.
Пожалуй... Но не на пирах,
Где бог-правитель Дионисий,
Он может каждого унижить,
Втоптать в навоз, повергнуть в прах.
Тиран. Едина эта власть,
И ей позволено любое.
Весь век довлеет над тобою
Его разверзнутая пасть.
В шелках и злате тяжкий трон,
Любую прихоть и веленье
Исполнят вмиг без промедленья,
В доход казне или в урон...
Дамокл был с давнишних пор
Тяжелой завистью снедаем,
Хотя был всеми уважаем
И «украшал» собою двор.
Но протерев глаза до дыр,
Он вспомнил вдруг вчерашний пир!

И хмель оставил место страху,
И он представил ясно плаху,
На главной площади народ.
И сердце вдруг забилося чаще.
Он поспешил рукой дрожащей
Закрыть во всем виновный рот.
Слова сорвались с языка,
И не вернуть тех слов обратно,
И стало всем сполна понятно,
Сколь зависть эта велика.
Вино, проклятое вино,
Тут виновато лишь оно!
А вдруг да кто-нибудь из тех,
Что на вчерашней был пирушке,
Да сделал «ушки на макушке»
И пользу вынес из утех,
И то, что уловило ухо,
Донес до царственного слуха!
По сердцу – будто острый нож!
Дамокл присел от осознания,
Что неспроста в коленях дрожь
От одного воспоминанья.
А верно, все же быть беде,
И, протянув ладонь к воде,
Журчащей влажною прохладой
Из пасти каменного льва,
Он снова вспомнил те слова,
Ведь надо ж так, хоть стой, хоть падай,
Сказать: «Завидую царю!»
Хотя бы тут же отказаться,
Мол, боги, что я говорю!
В любви и верности признаться...
Но хмель есть хмель. И вот уж, он,
В печаль и горе погружен.
Сидит и ждет судьбы решенья
За то, что, чуя власть вина,
Не выбирая выраженья,
Всю зависть высказал сполна.
Уже проснулись Сиракузы,
Повозки тащатся в пыли,
Подходят с моря корабли,
Как тяжелы в их трюмах грузы!
Идут, спеша куда-то, дамы,
Смеясь задорно и легко.
Подняв тунику, служка храма
Бежит по камням босиком.
Сверкают красной медью латы,
Проходят воины куда-то.
Ах, как завидует он им,

Дамокл – старый подхалим!
Как голубь, сидя на карнизе,
Он целый день тут просидел.
От ожидания поседел,
А вдруг узнает Дионисий!
И точно! К вечеру во двор
Въезжает, видимо, посыльный —
Поверх туники плащик пыльный, —
И, не вступая в разговор,
Зовёт Дамокла чуть заря
Явиться, да при всем наряде,
Великих дел и пиршеств ради
Пред очи светлые царя.
Всю ночь обдумывал приказ
И не сомкнул до солнца глаз
Дамокл, льстец и лизоблюд
У сиракузского тирана.
Саднило сердце, будто рана.
И вот привет последний шлют
На землю звезды – стражи ночи,
И солнце радостное прочит
Хороший день и светлый мир.
Дамокл отправился на пир.
Весь путь держался молодцом,
В последний раз перед дворцом,
Скривив от слез дрожащий рот,
Взглянул он в солнечные выси
И смело ринулся вперед:
Его встречает Дионисий.
Визиту вроде б удивляясь,
И, как матрону на балу,
Подводит бедного к столу,
И этак гнусно ухмыляясь,
Сажает в кресло, стул сиречь,
А из него ни встать, ни лечь,
Над ним, едва касаясь плечи,
На конском волосе подвешен
Тяжелый, острый царский меч!
Следит недвижимо над ним
Дамокл – льстец и подхалим.
А пир в разгаре, полны блюда,
Вино, не стол – цветущий сад.
Дамоклу ж нет пути назад,
А как бы он хотел отсюда
Подальше ноги унести,
Но только рок не провести.
И он сидит, не ест, не пьет
И страшной кары тихо ждёт.
Звучит веселой песней лира

В руках искусного певца,
А он покорно ждет конца.
Дамоклу вовсе не до пира.
Того гляди, сорвется меч.
Туника бедного Дамокла
За этот пир совсем промокла,
Да только б голову сберечь!
Уж лучше б он в кровавой стычке
Главою гордою поник,
Чем жаться эдак с непривычки,
Потеть от страха каждый миг.
И жизнь не жизнь, и пир не в радость,
И так Дамокл сидел и ждал,
Покуда темень не подкралась
И Дионисий вдруг не встал
И твердой царственной рукою
Не дал понять, что все – игра,
Что день прошел и что пора,
Мол, сну предаться и покою.
Дамокл понял все сполна,
Когда округлая луна
Его до двери провожала.
Душа к веселью не лежала.
Он сразу лег. И вмиг заснул.
И меч тяжелый не блеснул
На этот раз над головою.
Урок жесток, но поделом:
Его надежно он усвоил,
Оставив зависть за столом.

Первая проба

Во всех из нас гуманное начало
С тех самых пор, когда родная мать
Живой комок без устали качала,
Не забывая тихо напевать

Про темный вечер, козни злого волка,
Про добрых фей, диковинных зверей,
Про то, что нам расти до взрослых долго,
Покуда длятся песни матерей.

Но если мать тревожно замолчала,
То мы растем не по ее вине,
Во всех из нас гуманное начало...
Но на войне, увы, как на войне.

Мы слушали, как пели в церкви сонмы
И как телеги тяжестью скрипят —
По городам везли героев Соммы,
Гуманных и возвышенных ребят,

Которые из смерти или плена
Спаслись волшебной силою креста
И из огня кровавого Вердена
Не вознеслись в объятия Христа.

Они своей гуманностью прощали
Бессмысленные ужасы войны.
Но это только, разве что, вначале,
Когда им снились розовые сны,

В которых мама снова нежно пела
И сказки приходили, будто дым,
И мир казался чисто-чисто белым,
А наверху немного голубым.

Кому-то роща солнечная снилась,
Где он поцеловал ее шутя,
И нисходила сверху божья милость,
Даря простое счастье забытья.

А тот во сне перевернулся набок,
Внезапно вспомнил привкус этих лет —
Как счастье сладкий, вкус соседских яблок,
Оставшийся от детства амулет.

Спокон веков, от раструба пищали
До ядерных висящих облаков,
Смертей и трупов люди не прощали, —
Все это просто выдумки врагов.

Он помнит букву Нового завета,
Но как он может взять его с собой?
И так ему не хочется рассвета,
Но он пришел, и снова близок бой.

Бок-о-бок – друг. Потом, в разгар убийства,
Навеки разойдутся их пути.
Над мертвыми прощение повисло,
А тех, кто спасся, строго не суди.

Рубаха кровью накрепко прилипла,
А сколько ж их на Марсовой тропе...
Разбросаны кругом герои Ипра,
Не знавшие еще про ОМП.

А тот, кому во сне виденье было,
Лежал, зажав былиночку в руке,
Раскинув ноги так смешно и мило
На рыжем почему-то бугорке.

И вот подходит смерть – усталый призрак,
В сухой руке отточенный кинжал.
Скользит по бугоркам легко и быстро,
Находит тех, кто долга не отдал...

Нашла. Приподняла его за ворот,
Глаза белы и не разжать уста.
Живот уже достаточно распорот,
И черной слизью – кровь, уже густа.

Вот. Человек. Прекрасное творенье,
Создатель и приверженец Голгоф.
И, хмыкнув не без удовлетворенья,
Пошла по мясу в поисках долгов...

Ей дела нет до человеческой боли,
Какие там кому приснились сны...
Она идет – за полем снова поле,
Владения безжалостной войны.

И это было время первой пробы,
Вторая будет через двадцать лет...
Кому-то, значит, это нужно, чтобы
Его глаза забыли белый свет.

И сердце по-пустому не стучало
С одной улыбки милого лица.
Во всех из нас гуманное начало.
Но как ему поверить до конца??!

Погибшие награды не просили...
Живые обретали ореол.
Был человек бессилен от всесилья,
Которое он только что обрел.

Я и лето

День. Топкая тишина тепла
Тает, растекаясь томно,
Как у Маяковского: жара плыла,
Сонной тенью погребая дела,
Плавя тела, как металлы в домнах.
Люди, от непривычки злясь,
В метро мечтают про белую ванну,
До осуждения оголяясь.
Девочки играют в Копакабану,
Отлавливая завистливый взгляд
Жертв неумного аппетита и сытости.
В галстук, – будь он трижды клят —
И в пиджаке, стыдясь солидности,
Командировочные и инженер —
Стодесятирублевая каста —
Стараются вылезти на глаза венер,
Как из тюбика зубная паста.
Лето течет, как чумная река,
Обволакивает тяжело и густо.
Надо мною выбеленный простор потолка
И пристанище мухам – люстра.
Кровельщик на школе, что напротив меня,
Заколачивает, как в темя, гвозди.
Может быть, с человеческой злости, —
Ведь небось так и спрыгнул бы вниз,
Под этот полог щемящей зелени,
Но Господь окликнет: «Вернись!
Не велено!»
Так что ты уж не прыгай, братец, держись,
Унимай, как можешь, тоску.
Вот такая пошла нынче жизнь.
Лето. Варимся в собственном соку.
Если бы люди были рыбами,
Из меня б получился хороший консерв.
Я, как кровельщик, с крыши не прыгаю,
И за мой оголенный нерв
Сознание зацепляется редко,
Только в такие непонятные дни.
Лето. Не дрогнет от ветра ветка.
Я и лето. Мы одни.

К вопросу о поэтической точности

Ветер... Во весь свой норов олений
Мчится, неудержимостью покоряя нас,
Ветер... Результат перепада давлений
И перемещения воздушных масс...

Березы клонятся, и под ветренный пыл
Живая зелень течет рекой без брода.
Это все внутриклеточный хлорофилл —
Производитель атмосферного кислорода!

В небе мечется жаркого солнца пожар,
Голубизна — океаном над нами...
Солнце... светящийся плазменный шар,
Отделенный от нас световыми годами.

До чего же мы любим словесные пассы!
А можно ведь проще, без лишних слов.
Перемещаются воздушные массы
И колеблют древесный покров.

И благодаря ясной погоде
Активнее проникновенье лучей,
И так далее, и в таком же роде,
И понятнее, и намного точнее.

Глава... в которой я признаю в себе поэта

Как будто я перед экраном
И сон – проекция на нем.
Все, что мне снилось, было странным,
Как все, что было этим днем.

Еще в тумане предрассветном
И молчалив, и темен лес,
И звезд огни едва заметны
На белом пологие небес.

Но под охотниками кони
Храпят – и что им удила!
Все ждут, когда туман разгонит
И даль откроется светла.

И вот огромный шар восходит,
Звучит легко и трубно рог,
На поэтической охоте
Борзые слов и кони строк.

И каждый бросился, как будто
В него вселился мелкий бес.
Он, разрезая грудью утро,
Летит с ружьем наперевес.

В погоне лучшая добыча.
Равнины ритмами полны,
Овраги – те метафоричны,
И будто точки – валуны.

Летит стремительно и резко
(Его коня Гефест ковал!)
И точным выстрелом гротеска
Разит добычу наповал.

Другой летит во весь свой гонор,
Равниной рифм по степи лет,
Но в трех соснах, устав от гона,
Блуждает и... теряет след.

Обезумевши на просторе,
Другой, решив нахрапом взять,
Упал с коня – какое горе! —
Ему теперь уже не встать.

С веселым гамом, лаем, криком
Стреляет, гикает, орет.
Охота мчится – лица бликом
Сверкнул в азарте и – вперед...

А жертва даст любому фору,
И не догнать ее верхом,
И с поводов пускают свору
За убегающим стихом...

Потом на пир! Таков обычай.
И, завершив свою борьбу,
Везут охотники добычу
Друг перед другом в похвальбу.

Ягдташ, ружье под слоем пыли.
Мне снилось, я был в их числе.
Ну, может быть, не на кобыле,
А на каком-нибудь осле.

Как будто я перед экраном
Сижу, гляжу, открывши рот.
А вам не кажется ли странным
Такой веселый оборот?

«Облака проплывают, вроде...»

Облака проплывают, вроде
Чистотою своей маня,
Полоская свои лохмотья
В умирающем свете дня.

Что им сутолока людская!
Уплывают гонцы мечты...
Ночь торопится, опуская
Мягкий занавес темноты.

Тост на «дипломном» банкете в рес. «Загородный»

Мир моих мыслей так огромен!
Но я сегодня буду скромн.
Сегодня замысел мой прост —
Я предлагаю этот тост.
За них, за тех, чьи имена
Навеки выучит страна,
И кто живет не славы для,
Кто у великого порога,
За тех, кто даст стране угля,
Пускай некрупного, но много.
За тех я предлагаю тост,
Кто, как плеяда ярких звезд,
Осветит будущее миру.
Надеюсь, что ход мысли схвачен,
Гуляют все. Банкет оплачен.
И так как дорог каждый час,
Скажу короче —
Пьем за нас!

Кафе «Синяя птица»

В лампадной тьме, через коктейли,
Хард-роком сбиты наповал,
Мы с удивлением смотрели
На тех, кто рядом танцевал.

Движенья, резанные ритмом,
Сплетенье тел, тяжелый рок.
И в зале, музыкой залитом,
Мы представляли островок.

Не потому, что не умели,
Не потому, что вышел год,
В лампадной тьме через коктейли
Мы вдруг подумали вперед.

Еще чуть-чуть, еще мгновенье —
И уплывет от островка
Свобода чувств и откровенье,
Биг-бит, хард-рок – в руке рука.

И толчея джинсовой ночи —
Другим. И музыка – другим.
И дни становятся короче,
Хотим мы это – не хотим.

Оставим миф о верхней полке
Своей «наученной» души...
Прозрачно сыпятся осколки,
Когда разбиты витражи.

Девчушки весело и смело,
Как будто им на всех плевать,
Под крик души ломают тело,
Мол, нам давно пора в кровать.

А тот, как селезень, вертится,
Взлетают руки, будто сеть,
Мы под крылом у «Синей птицы» —
Ей вечно в воздухе висеть.

А мы оставлены на свете
Ловить судьбы немой кивок.
В лампадной тьме танцуют дети,
Но где же чудо-островок?

И снова мы на них похожи,
В дыму трясущийся мираж,
Одно стекло разбито все же,
Одно стекло – не весь витраж.

Божий дар или яичница

1. О религии, о прекрасном и о божьем даре

Бога нет.
Это точно известно.
Гегель Гегелем, но и тот был неправ,
Там, наверху,
И без Господа тесно
От спутниковых орав.
Мы – это армия
Молодых атеистов.
Непримиримы к кадилу
Кадящему.
Вера в себя —
И дух наш неистов
На предмет
Объяснения, что к чему...
В озарение можно верить.
И божий дар
Принимай, спеши!
Но важно, чтобы его сверять
И мерить
Мерилами человеческой души,
Чтобы не одуреть от старта
В познание
Самых высших начал,
А стать еще выше,
Как Леонардо,
Который бессмертие
Себе завещал.
А как найти
Это нужное слово,
Служившее мерой веков испокон?
Но ведь находила же
Кисть Рублева
Нужное в ликах
«Святых икон».
И как это сказано
У Мефодия?
Красота, только
Без пестроты...
Все остальное —
Это только пародия
На божественные
Черты.

Но так как Бога,
Конечно, нету,
Искать, по-моему,
Надо внизу.
Но только не радоваться
Каждому свету,
Как заблудившемуся
В лесу.
Хочу, чтобы пониманье
Сквозило
В песнях, славящих
Книгу, молот и плуг.
Какая-то неземная сила
Дает мне зрение,
Дает мне слух.
Конечно же, мне еще не подняться
Не всеохватывающую высоту.
Но все чаще и чаще
Мне снятся
Ночные бдения на посту.
А если тишь
И не звука лишнего,
Лучше слышится
За версту
И ближе чувствуешь своего ближнего,
И чувствуешь, что
Нужен ты на посту.
Понимаешь, вглядываясь в звездные
Пустоши,
Что Бога нет и все о Боге – ложь.
Есть человек, его придумавший
И уничтоживший ни за грош.
Религия – философия слабого.
Где «не могу»
Равняется «не хочу».
Ну, а это значит – оружие складывай,
Дай отдохнуть от ремня плечу.
Дай твоим
Мускулам не обмякнуть,
Дай твоей воле
Ватой стать.
А это значит – спускаться стягу,
Это значит – погибла рать.
Вот хорошо
И куда как весело —
От страха
Становишься сам не свой.
Вглядываясь в это звездное месиво,
Расплескивающееся

Над головой.
А ночь такая,
Что тихо бредится,
Будто другие миры видны,
Что даже ковшом Большой Медведицы
Не вычерпать всей ее глубины.
Что совсем
На сегодня лишние —
В темноте ее фонари,
Что пахнет Вечностью...
И почему-то вишнями,
Которые давно уже отцвели.
И я понимаю,
Что идеалы хрупки,
Тем более поднятые
На высоту.
И люди спешат,
Впитывают, будто губки,
Истинную, непритворную красоту,
Излечивающую больного,
Очищающую падшего,
Вызывающую на поток откровений.
Лишь бы только это был
Микеланджело.
Лишь бы светился
Неповторимый гений.
А тому, кому надо,
Знает, где эта слабинка.
И еще сотни и сотни
Незащищенных мест.
И где не проходит
Полицейская дубинка,
Растопырившись,
Проползает крест.
Понимание
И, если хотите, знание
Ставит прочный заслон кресту.
Поэтому, хотя уже утро
Ранее,
Я остаюсь на своем посту.

2. О подходе к предмету

Может быть,
Со временем выйду в люди я
И мысли мои близки будут вам.
А все, что здесь сказано,

Это только прелюдия
К самым главным моим словам.
Отречение от всего сразу
Глупо,
Как и необузданная похвальба.
Как со сцены кричу, как в рупор,
Вскинув
Непокорную прядь со лба.
То, что здесь сказано —
Не пропаганда
И агитация.
То, что здесь сказано —
Не законов свод.
На этом примере
Хотел попытаться я
Выразить,
Если хотите,
Подход.

3. О своем месте во всей этой истории

Или сообразно
Чьему-то совету,
Или, когда их
Долг обязал,
Многие пишут о том, чего нету,
Или о том, чего
Не видели в глаза.
Предпочитаю
Не искать тему,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.